

Эксперимент продолжается. Результата нет

«Дон Жуан, или Каменный гость» Анатолия Васильева

завершил Третий театральный фестиваль им. Чехова

Российский Телеграф, 1998, 16 июня, с. 6

Точнее, последним спектаклем фестиваля стал ритуальный просмотр «Трех сестер» Олега Ефремова. Однако это был чисто политический ход: «главный» автор фестиваля, театр, отмечающий свой столетний юбилей, тени великих — знаковый паянс раскладывался без сучка без задоринки. Никто и не предполагал, что постановка театра, трудно и достойно преодолевающего затяжной кризис — возрастное заболевание старинных стационаров, — способна поразить нас радикальностью художественного жеста. Надежды на впечатляющий финал русской программы связывались прежде всего с последним спектаклем Анатолия Васильева.

Последний его спектакль продемонстрировал нам все то, что годами вырабатывается в алхимическом тигле васильевской Школы, — драгоценные паузы, заставляющие усомниться в необходимости слов, сияние глаз, мерцающие тайным смыслом взгляды. Философский камень, который нашли когда-то в лаборатории на Поварской, остался тем же, но — бог знает почему — потерял свою власть. Приемы, знакомые по прежним спектаклям, перестали дарить нас чистым золотом театрального события. Они беззащитно выдают секреты ла-

боратории, схемы экспериментов и даже не позволяют надеяться на результат.

Сидя в маленьком белом зале, мы наблюдаем за пятью персонажами в поисках смысла. Они неторопливо прохаживаются вперед-назад, время от времени помахивают руками и читают стихи, неидально продырявившая пушкинские строки автоматной очередью пауз. Неловкостью и обреченностью каждый напоминает жонглирующего гонимца. Одной рукой он крутит руль, другой — подбрасывает яблоки и во весь опор летит навстречу гибели всерьез. Единственная, кому под силу этот диковинный эксперимент, кто с равным профессионализмом ведет машину «Каменного гостя» и жонглирует словами, — это Наталья Коляканова. Следить за остальными нелегко и грустно.

У актеров Васильева трудная жизнь. Уже много лет они противопоставляют свой сценический стиль — ироническую отстраненность от происходящего, прохладное любопытство к тексту — тому, как «принято» играть. Никто словно и не замечает, что театральная традиция, которую они так упорно, не идя ни своих, ни наших нервных клетках, деконструируют, давно умерла естественной смертью. А большой стиль, на обочине которого они усердно творили свое искусство, ушел в

прошлое. Они колотятся о стену, не замечая того, что стены уже и нет и ее призрак приходится мучительно вызывать из памяти. Чтобы понять, почему Яцко обрывает каждое легкое пушкинское слово прыжком в заводь паузы, нужно вспомнить неизменную в своей подвижности интонацию Журавлева. Чтобы по достоинству оценить сценографию Попова — псевдоклассические бюсты, псевдостоличные ковры, миниатюрный постмодернизм, — необходимо вспомнить просто-душно масштабный облик «Маленьких трагедий» Любимова.

Странное дело: ведь Васильев по определению был пророком, будущее было его домом. Любой его спектакль был эскизом завтрашнего театра, и как дивно было предугадывать контуры будущих шедевров, легко отказываясь от настоящего. Сегодня выясняется, что этот мессианский театр жил и дышал только памятью о прошлом. Такова вообще закономерность театрального авангарда: чем радикальнее поиск нового, тем громче заявляет о себе старое. Стремясь в завтра, мы вынуждены держать в памяти вчерашний день, отгалкиваясь от него, отказываясь от него ради того, что будет, пренебрегая настоящим ради будущего.

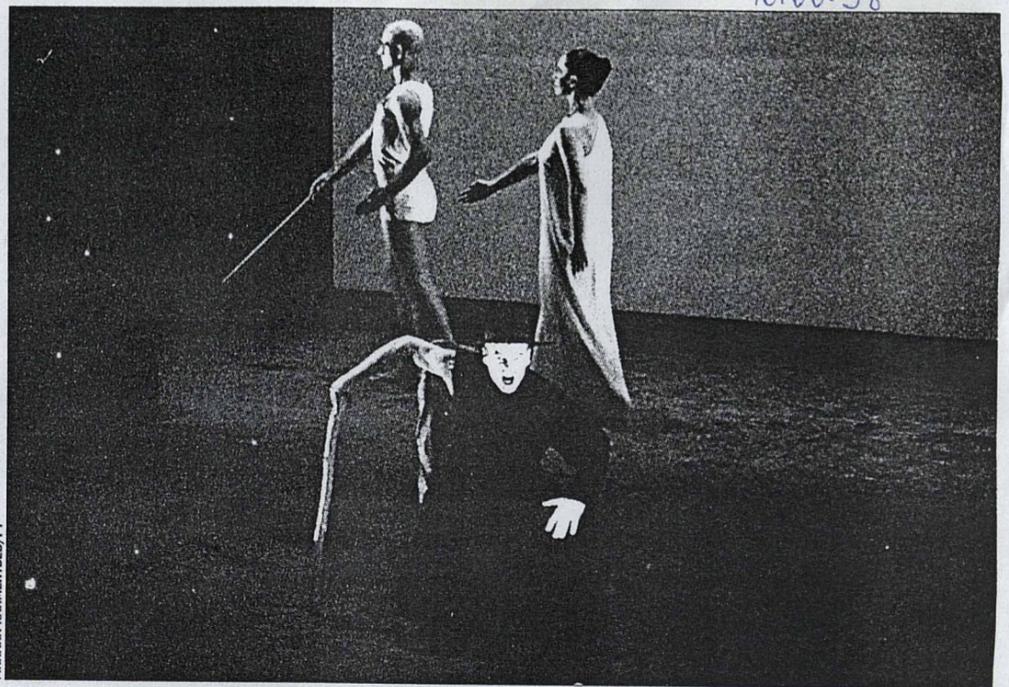
Васильева занимала возможность исследовать в своей Школе саму материю театра, разложить ее на первоэлементы и пересодать основы сценического языка. Казалось, это поиск происходил вне времени и пространства, в самостоятельной системе координат, в полном отрыве от театральной рутин и обыденной жизни. Остраняя жест, отчуждая интонацию, он заставлял нас любоваться беспримесным, бессодержательным формотворчеством. Только сейчас мы понимаем, что в его работах был слишком важен жест отказа: как только этот отрицательный потенциал был исчерпан, Школа потеряла энергию, одушевляющую ее «чистое искусство».

Пытаясь противопоставить васильевскому театру о театре театр о жизни, первым делом вспоминаешь среди фестивальных спектаклей постановку Арианы Мнушкиной «И вдруг ночи стали бессонными». Она смутила нас непривычной отчетливостью интонации, смелостью политического заявления, актуальностью сюжета в лучших традициях театра 60-х. Сумела ли Мнушкина возродить традицию открытого, народного театра? Вряд ли. Беззаветный поиск истины казался так же наивным и старомодным, как и бескомпромиссная работа над формой. К тому же «Ночи...» не менее, чем васильевский спектакль, нуждаются в контексте. На протяжении четырех часов Мнушкина заявляет нам «Нате!» Чтобы оценить ее решительность, нам приходится держать в памяти славные традиции революционного театра и учитывать буржуазный конформизм мнушкинских конкурентов. Это другой извод театрального авангарда — он в той же мере, что и Школа, нуждается в понимающем, «своем» зрителе.

Лучшие спектакли фестиваля не заставляли нас напрягать память. Они были словно вещи в себе — без надрыба отказывающиеся от контекста, усердно ищущие свои собственные законы существования, всыскающие наивного зрителя. В них длился жест, перетекающий в музыкальную фразу, дрожал и плыл человеческий голос, взнесенный над залом ненаигранной страстью, — и время замирало, давая нам ощутить его чувственную насыщенность. Только немногие спектакли фестиваля — «Персефона» Уилсона, «Три сестры» Марталера, «Много шума из ничего» Доннеллана — позволили нам пережить настоящее.

Погоня за театром будущего всегда пробуждает призраков прошлого. Вероятно, спасаясь от них, монстров своего творческого подосознания, пожилые классики авангарда начинают объединяться. Одинаковый статус позволяет самые невозможные стилистические сближения: последней сенсацией Чеховского фестиваля стало приглашение «Каменного гостя» в Театр дю Солей.

Виктория НИКИФОРОВА

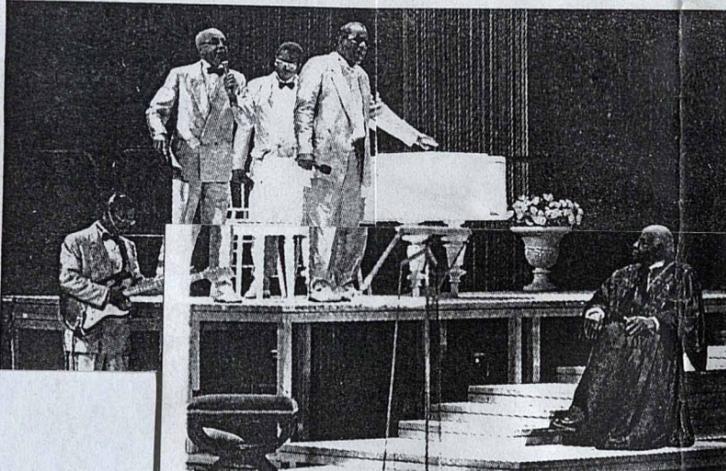

«Персефона» Роберта Уилсона — спектакль, доказывающий, что в мире еще существует цельный, мощный, единственный театральный авангард. Шесть почти анонимных актеров, безукоризненно исполняющих волю постановщика, играют по-английски и по-гречески, добравшись до первооснов языка — слогов, жестов, букв, цифр. На них общаются мир земной и мир загробный, в них отражается вечный миф. Час с небольшим — как мало! — овеивает нас этот бриз структурной мысли, это аскетичное торжество формы, это скромное и виртуозное ремесло

Рейтинг фестиваля

Сколько ни повторяй, что рейтинг и искусство вещи несовместные, спортивный азарт неизбежно присутствует в любом крупном культурном мероприятии. Отсмотрев за три месяца годовую норму спектаклей, хочется их сравнить, оценивать и делать выводы. Решив прикинуть, кто же пришел первым в гонке за зрительской любовью, мы предложили ведущим театральным критикам Москвы помахать флажками на финише театрального марафона. Как и надеялась прогрессивная общественность, воспитанная на мифе Роберта Уилсона, его «Персефона» с большим отрывом опередила конкурентов, набрав высший балл за идеальную уравновешенность мизансцен, партитуры и сцендизайна. Прямо за ней следует «Дионис» Тадаси Сузуки — вещь, на наш вкус, скучноватая, но в высшей степени культурная. След в след за японским классиком идет убежденный минималист Марталер с «Тремя сестрами», веселый романтик Ли Бруер с «Госпелом в Колоне» и Деклан Доннеллан, тихо расправляющийся с классическими интерпретациями Шекспира в «Много шума из ничего». Лидером российской программы стал Лев Додин — на основе чеховского текста он придумал столько театральных эффектов, что не поощрить его изобретательность было невозможно. Количество режиссерских придумок в «Грозе» и «Каменном госте» оказалось примерно одинаковым — Генриетта Яновская и Анатолий Васильев по справедливости разделили второе место. Что касается остальных спектаклей — см. таблицу. Порой истинные вкусы театральных критиков отчетливее проявляются в сухих цифрах, а не в цветистых фразах.

Название спектакля	Режиссер	Страна	Марина Давыдова, «Московские новости»	Роман Должанский, «Коммерсантъ-daily»	Марина Тимашева, радио «Свобода»	Глеб Ситковский, «Независимая газета»	Алена Карась, радио «Эхо Москвы»	Виктория Никифорова, «Русский Телеграф»
Шесть персонажей в поисках автора	Р. Брустин	США	3	5	1	3	3	1
Король-Олень	А. Щербан	США	6	6	2	7	3	
Три сестры	К. Марталер	Германия	10	10	4	9	5	9
Медея	У. Беккер	Германия	6	7	4	4	4	
Иванов	П. Лебл	Чехия	4	9	3	2	4	3
Клянуся своей жизнью в любви к Санго	С. Исидзава	Япония	4	5	3		4	
Пьеса без названия	Л. Додин	Россия	9	9	5	10	2	7
Король Лир	С. Данченко	Украина	4	4	1			
Персефона	Р. Уилсон	Италия	10	10	8	10	10	
Дионис	Т. Сузуки	Япония	9	10	7	7	10	5
Аркадия	Э. Нюганен	Россия	5	4	3		4	2
Три сестры	О. Ефремов	Россия	4	6	2	5	5	
Свадьба	П. Фоменко	Россия	4	5	2	5		
Еще Ван Гог	В. Фокин	Россия	5	8	2	3	5	2
На всякого мудреца довольно простоты	О. Табаков	Россия		7	3			1
Пляска смерти	А. Варшавский	Грузия	4	5	2	3	4	
Гамлет	А. Василаски	Молдова			1			
Братья Карамазовы	Ю. Любимов	Россия	5	7	3	4	4	5
Прометей прикованный	Т. Терзопулос	Греция	5	5	3	5	3	
АЯТ	П. Кербрет	Россия-Франция	4	8	3		4	
Нераскрытая тайна	В. Вандекейбус	Бельгия	7	8	1			
Бесприданница	А. Иванов	Россия	4		2			
Девочка со спичками	Н. Абдураманов	Узбекистан			2		4	
Вечный муж	Т. Чендзе	Грузия	4	4	2	2		
Ромео и Джульетта	М. Мокеев	Россия		5	1		3	
Князь Витавт	В. Раевский	Беларусь			2			
Когда весь мир был зеленым...	Дж. Чайкин	США	5	6	1	5	3	
Платонов	Е. Яроцкий	Польша	7	6	4	8	5	8
Хадж	Л. Бруер	США	8	8	4		4	
Сон в летнюю ночь	Я. Чань	Венгрия	4	5			6	2
Дядя Ваня	С. Афанасьев	Россия	8	5				8
Лицо Орфея	О. Ли	Франция	3	5	0	3	10	6
На дне	Б. Морозов	Россия					2	
Иммануил Кант	К. Люпа	Польша	9	9	4		9	10
Макбет	К. Гинкас	Финляндия						
И вдруг ночи стали бессонными	А. Мнушкина	Франция	7	7	8	6	9	6
Маскарад	Р. Туминас	Литва	7	8	8	7	5	
«...» (Пьеса без названия)	Е. Марчелли	Россия	6	6	3		4	
Ламара	Р. Стура	Грузия			2			3
Женщина-змея	Р. Стура	Грузия			3			5
Мой Иерусалим. Реквием	Б. Эйфман	Россия	4	5	4			
Красная Жизель	Б. Эйфман	Россия			3			
Варвар и Еретик	М. Захаров	Россия	4	5	3		2	
Ave Maria	В. Шахвердян	Россия-Армения		3	2			
Кабаре Мисс Найф	О. Ли	Франция		7	0	3	3	4
Гроза	Г. Яновская	Россия	9	9	3	6	6	3
Евгений Онегин	С. Арцибашев	Россия			4		4	
Госпел в Колоне	Л. Бруер	США	10	7	9	5	9	
Книга Иова	А. Араужо	Бразилия	9	9	3		5	
Смуглая леди сонетов	Р. Козак	Россия	4	6	1		2	1
Дон Жуан, или «Каменный гость»	А. Васильев	Россия	6	6	4	6	9	5
Много шума из ничего	Д. Доннеллан	Великобритания	8	9	8	6	8	9

«...»: взрывное сочетание спиритизма и Софокла, рок-н-рольного чеховского величия совершенно заворожало воспитанную публику. Когда артисты Бруера предложили им подлететь, зал оживился. Включиться в игру, правда, не рисковали, но было приятно

«Много шума из ничего» английского режиссера Деклана Доннеллана — не так легко. Спектакль «Чик бай Джаул» — это типичный репертуарный театр, в котором легчайший сбой интонации о катастрофе, а малейшая пауза превращает комический ую трагедию. Без перевода улавливать эти переливы смысла невозможно. Стоило организаторам позабиться о «роке» — глядишь, и зрители не уходили бы в антракте